

БЫЛ ЛИ ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС ГОСУДАРСТВОМ? *

В современной гуманитарной науке идет интенсивный процесс познания фундаментальных основ эволюции человека и общества, в котором определяющую роль играет поиск и разработка новых научных парадигм. Особую интенсивность он приобрел в отечественной исторической науке после отказа от марксистской концепции теории общественно-экономических формаций. Здесь свою роль сыграла и явная неудовлетворенность исследователей официальной методологией истории, в которую никак не укладывались не просто факты, а целые их блоки. Кроме того, нельзя сбрасывать со счета идеологические установки «свыше» начала 90-х годов, в той или иной форме призывавшие историков к замене традиционного формационного подхода на цивилизационный, и бурный поток новой исторической информации, в том числе концептуального характера, хлынувший в нашу страну через переводные книги, Интернет и прямые контакты с учеными Запада.

В результате массового отказа от «единственно правильной методологии», но и не обретения желанной новой, в нашей науке создалось весьма неустойчивое интеллектуальное поле, благоприятствующее распространению и сосуществованию не только противоречащих друг другу, но и подчас просто взаимоисключающих концепций. При этом диапазон исторических оценок настолько широк, что иногда поражает и не дилетантов. Все эти тенденции в полной мере проявились в такой «вечной» теме, как проблема происхождения государства и его сущности. В исторических исследованиях последнего времени здесь обозначились два крайних подхода – тенденция к максимальному удревнению государственности, с одной стороны, и радикальному ее омоложению, с другой.

Первый подход активно прокладывает себе дорогу в отечественной археологической науке, где можно встретить утверждения о появлении ранних признаков государственности уже у пастушеских племен степной и лесостепной Евразии в эпоху средней бронзы¹ или даже еще в энеолите у скотоводов древнеямной культуры III тыс. до н. э.² Правда, проверка историко-археологических оснований этих

* Работа выполнена автором в качестве Forschungsstipendiat der Alexander von Humboldt-Stiftung.

¹ Пустовалов С. Ж. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим данным // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. 5. С. 21–35; Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 316–317.

² Чмыхов Н. А. Первые государства в Степи – Лесостепи: предпосылки возникновения // Теория и методика исследований археологических памятников: Тез. конф. Липецк, 1992. С. 116–117; Писаревский Н. П. О государственности у ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии // Вестник Ворон. ун-та. Серия гуманитар. науки. Воронеж, 2000. № 1. С. 98–114. Некоторые исследователи идут еще дальше и пишут о государственности первобытно-коммунистического типа и о доклассовой государственности. См.: Шилов Ю. А. Послесловие к «Космогонии первобытного общества» // Начала цивилизации. М., 1999. С. 92, 95.

гипотез показывает их шаткость для степных культур II тыс. до н. э., которые по комплексу признаков явно еще имели догосударственный характер, или их полную бесосновательность для III тыс. до н. э. прежде всего из-за отсутствия прямых исторических и археологических свидетельств существования столь ранней государственности на просторах будущей России³.

С другой стороны, на рубеже 80–90-х годов на страницах журнала «Вестник древней истории» развернулась инициированная статьей Е. М. Штаерман⁴ острая и обстоятельная дискуссия о времени возникновения государства в Древнем Риме. Исходя из традиционного марксистского определения государства как аппарата насилия и имеющихся в распоряжении исследовательницы исторических фактов, она пришла к заключению о позднем появлении государственности в Риме – не ранее I в. до н. э., то есть по существу лишь с эпохи принципата Августа. Парадоксальность этого вывода заключалась еще и в том, что, исходя из определения государства и его важнейших атрибутов у Ф. Энгельса, Е. М. Штаерман радикально разошлась с классиком в вопросе о времени его возникновения в Риме, которое он относил к концу царской эпохи (реформа Сервия Туллия)⁵. Хотя большинство участников спора не поддержали основную идею Е. М. Штаерман, начатая ею дискуссия оказалась весьма плодотворной и полезной не только для одних антиковедов, так как она высветила многие слабые стороны марксистской концепции государства, которая не в последнюю очередь создавалась на материалах истории античных Афин и Рима.

Как известно, исследование ранней государственности имеет не только чисто историческое, но и важное методологическое значение, так как именно в древности впервые в истории формировался «архетип» государства вообще. Поэтому вполне понятен постоянный интерес историков и политологов к античному греческому *полису* и римской *цивitas*, которые от Аристотеля до Маркса рассматривались как своего рода эталон ранней государственности.

Однако в самые последние годы вновь появились серьезные основания для научной дискуссии теперь уже о природе античного греческого полиса. В 1994 г. израильский антиковед Майкл Берент защитил в Кембридже докторскую диссертацию, в которой попытался обосновать концепцию о безгосударственном характере античного классического полиса⁶. Диссертация до сих пор не издана, но ее основные положения опубликованы в периодической печати. В 2000 г. М. Берент

³ Медведев А. П. К исторической оценке скотоводческих обществ на Юге Восточной Европы II–I тыс. до н. э. // Вестник Воронеж. ун-та. Серия гуманитар. науки. Воронеж, 2001. № 2. С. 159–180; Гей А. Н. К вопросу об уровне социального развития степных скотоводов бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 82–84.

⁴ Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. С. 128–129.

⁶ Berent M. The Stateless Polis. Towards a Re-Evaluation of the Classical Greek Political Community. Diss. Camb., 1994.

опубликовал весьма пространную статью на русском языке под говорящим само за себя названием «Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество»⁷. Для нашей темы особенно показателен ее параграф, названный «Социальная антропология и миф о греческом государстве». Насколько мне известно, среди зарубежных антиковедов взгляды М. Берента не получили особой поддержки. Но в последнее время они нашли сторонников в нашей стране, правда, не среди антиковедов. Из российских исследователей близких взглядов на характер греческой государственности придерживается социальный антрополог А. В. Кортаев. Недавно он смело сопоставил античный полис с так называемыми горскими сообществами типа «вольных сообществ нагорного Дагестана»⁸. В последнее время вслед за М. Берентом исследователь усматривает в античной гражданской общине историческую альтернативу государству, отличительными признаками которого он считает наличие политической иерархии и централизации. Эти взгляды разделяют и его соавторы Н. Н. Крадин и В. А. Лынша, полагающие уже доказанным безгосударственный характер античного полиса⁹.

Поставленная этими исследователями проблема существования безгосударственных, но уже и не первобытных обществ, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания, особенно со стороны тех ученых, которые изучают «периферийные» по отношению к поясу цивилизаций общества: от пустынной Аравии и Сахары до степной Евразии. Но весь вопрос в том – следует ли к ним относить и классический полис? Я вижу за всем этим не только игру ученого ума (а она, кажется, в этих работах присутствует), но, прежде всего, поиск нового подхода к проблеме государства, в том числе к феномену античного полиса.

На первый взгляд, сама постановка вопроса о безгосударственности античного полиса покажется странной любому мало-мальски образованному историку¹⁰. Сами эллины считали полис не только наиболее совершенной формой человеческого сообщества, но и наилучшим политическим строем (*Arist. Pol. VII.6.1 1327b*). Многие его граждане, исключительно мобильные в силу античного образа жизни, были хорошо знакомы с другими формами государственности, в том числе такими,

⁷ Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. Идеи этой статьи получили дальнейшее развитие в докладе М. Берента на I Международной конференции "Hierarchy and Power in the History of Civilization". Moscow, June 15, 2000.

⁸ Кортаев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней государственности. М., 1995. С. 77–93.

⁹ Кортаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 37–39, 45.

¹⁰ Строго говоря, подход М. Берента к античному полису как к безгосударственному обществу нельзя признать новым. Еще в XIX в. Фюстель де Куланж в своей знаменитой работе "La cité antique" рассматривал полис, прежде всего, как древнюю гражданскую общину, а не как государство в том смысле, в каком это слово тогда употреблялось во французском языке. О реминисценциях такого подхода в современном антиковедении см.: Finley M. I. The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond // CSSH. 1977. Vol. 19. 3. P. 305–312.

для которых полисная форма социального бытия не являлась нормой. Греческие историки и философы в лице наиболее глубоко мыслящих представителей, от Геродота до Аристотеля, хотя и хорошо осознавали специфику родных политий, тем не менее, не сомневались, что полисы, несмотря на их очень небольшие размеры, принадлежат к политическим образованиям того же (например, Карфаген на Западе; см.: Arist. Pol. II.8.1–9 1273b) или даже еще более высокого ранга, чем великие «царства» (βασιλείαι) и «державы» (ἀρχαί) Востока (Мидия, Персия)¹¹. Исторические преимущества полисного строя доказаны победами на полях Марафона и Платей, в водах Саламина и у мыса Микале. Нет сомнения, что в массовом сознании греков архаического и классического времени прочно утвердился взгляд на полис как на типично греческую и высшую форму организации государственного бытия¹². Но как недавно убедительно показала Клаудиа Танк, у ряда греческих авторов V–IV вв. до н. э. – Эсхила (*Pers.* 511), Платона (*Leg.* 697c–d), Ксенофонта (*Cyrop.* I.5.8) – слово «полис», хотя и не часто, но все же использовалось в разных контекстах в отношении Персии, в том числе и для обозначения державы Ахеменидов в целом¹³. Известно, что полис служил эллинам своего рода наглядной моделью для понимания иных, чуждых эллинам форм государственности, в том числе «восточных деспотий». Один из самых наглядных примеров имманентного сопоставления полиса и деспотии приводит Геродот в известной истории мидийца Дейоки (I.96–101)¹⁴.

Парадоксальность самой постановки вопроса о «безгосударственном полисе» состоит и в том, что именно сравнительное изучение античного полиса Платоном и Аристотелем заложило основы европейской политологии – многие ее фундаментальные идеи и почти вся современная политическая терминология в конечном итоге восходит к языку греческого *полиса* или римской *civitas*. Начиная с эпохи Возрождения, европейская политическая мысль рассматривала историю Афин и Рима как классические пути становления государственности, с чем сейчас, правда, трудно согласиться. Тем не менее, вопрос о «полисе без государства» (*the stateless polis*) поставлен. Кажется, его постановка обусловлена как сложностью и многогранностью проблемы государства, трудностями его универсальной дефиниции, так и несомненной исторической спецификой античного полиса как особой

¹¹ В греческом языке V в. до н. э. общепризнанного термина для обозначения «государства» еще не было (чаще всего использовалось слово τὸ κοινόν), хотя проблема его сущности уже поставлена Протагором. См.: Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. С. 240–246, 351.

¹² Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля. Л., 1966. С. 14–15; Кошеленко Г. А. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 12.

¹³ Tanck C. ARCHE, ETHNOS, POLIS. Untersuchungen zur begrifflichen Erfassung des Achemenidischen Reiches in zeitgenössischen griechischen Quellen. Frankfurt am Main, 1997. S. 242–243.

¹⁴ Медведев А. П. У истоков европейской политологии (к формированию образа «восточной деспотии») // Вестник Ворон. ун-та. Серия гуманитар. науки. Воронеж, 1996. № 2. С. 160–164.

формы социальности и государственности¹⁵. В контексте аутентичных греческих источников полис выступает то как город, то как государство, то как гражданская община.

В этом смысле весьма показательна позиция М. Берента. Он довольно отрицательно относится к марксистскому учению о государстве как орудии господства одного класса над другим и придерживается учения Эрнста Геллнера о «древнем аграрном государстве». Но соответствует ли античный полис основным критериям «аграрного государства», хотя бы потому, что с классической эпохи большинство граждан проживало в городах, в условиях городского социума и городской культуры? Да и определение самого государства у Э. Геллнера отличается некоторой методологической узостью, поскольку, с его точки зрения, «государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной жизни. Они и есть государство»¹⁶. Мне кажется, что и в этом определении мы имеем дело с примером научно-редукционизма – отождествлением государства только с государственным механизмом. С другой стороны, вряд ли правомерно современный тип государства с развитым бюрократическим аппаратом, сложившийся в Европе лишь в Новое время, выдавать за универсальную модель государственности для всех времен и народов. При внимательном прочтении статьи М. Берента складывается впечатление, что он исходит из старой социологической теории государства как аппарата принуждения. Но уже довольно давно была выдвинута другая концепция, где государство выступает в качестве регулятора социальных отношений. Она восходит к учению Аристотеля о «благой жизни» граждан как основной цели полиса (*Pol. I.1.1 1252a*)¹⁷. Мне представляется, что эта концепция помогает глубже понять двойственную природу античной государственности, которая формально, с точки зрения институализации ее основных органов, кажется менее развитой по сравнению с «восточными деспотиями», но на деле на много веков и даже тысячелетий опередившей свое время. Поэтому необходимо иное, более универсальное определение государства, позволяющее преодолеть узость его новоевропейских и современных форм и в то же время, четко отличающее его от более ранних политий, таких, как племя и вождество. Подходы к такому определению можно найти у Макса Вебера. У него государство выступает как организация политической власти, направленная на поддержание общественного порядка в уже стратифицированном обществе, организованном по территориальному принципу с помощью имеющихся в его распоряжении легитимных средств, включая монополию на легитимное насилие¹⁸. Суть э того

¹⁵ Hansen M. H. Polis and City-State. An Ancient Concept and its Modern Equivalent // *CPCAS*. 1998. Vol. 5. P. 117–118.

¹⁶ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxf., 1983. P. 4.

¹⁷ Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М., 1997. С. 130.

¹⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645–646.

определения государства разделяют и современные теоретики политической науки¹⁹.

Рассмотрим основные аргументы М. Берента в пользу его концепции «безгосударственного полиса». Исходный ее тезис сформулирован так: полис не был государством, а скорее тем, что антропологи называют «безгосударственным обществом». Под ним понимается эгалитарное нестратифицированное общество, характеризующееся отсутствием аппарата принуждения²⁰. М. Берент утверждает, что, в отличие от государства, в полисе право на применение насилия не было монополизировано правительством или правящим классом. Возможность использовать силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения. Поэтому полис, за исключением Спарты, и не располагал постоянной армией.

Но, если подумать, это так и не так. Действительно, принято считать, что в мирное время в классическом полисе постоянной армии как таковой не было – на случай войны собиралось ополчение (*гоплития*) из всех боеспособных граждан. Однако посмотрим на фактическую сторону дела на примере Афин эпохи классики, когда у них были постоянная армия и флот. На рубеже VI–V вв. до н. э. Афины находились в состоянии войны с Эгиной, а через несколько лет начались пятидесятилетние Греко-персидские войны. После реализации «морской программы» Фемистокла, с начала 470-х гг. до н. э., афиняне имели большой постоянный флот (в отдельные годы в нем служило до 30 тысяч человек) и сухопутную армию. Они не были распущены после Каллиева мира 449 г. до н. э. Наоборот, были созданы постоянные военноморские силы Афинской архэ, в состав которых входило от 100 до 300 триер и до 12000 гоплитов. В 431 г. до н. э. вспыхнула печально известная Пелопоннесская война. Афинская армия и флот воевали долгие 27 лет. Таким образом, в течение V в. до н. э. мы не наберем и десятилетия, когда все афинские граждане находились дома. К тому же, армия и флот в Афинах использовались не только для обороны страны, но и в качестве репрессивного аппарата против непокорных союзников (подавление восстаний на Самосе в 440–439 гг. до н. э. и почти одновременно в Византии, в 428 г. на Митилене, в 427 г. до н. э. на Керкире и др.). С этой же целью на земли союзников выводились афинские клерухии, являвшиеся одновременно военными гарнизонами. При Перикле общее число клерухов достигло 12000 человек. Известна и неудачная попытка Кимона в 464–462 гг. до н. э. использовать афинских гоплитов для подавления восстания спартанских илотов. Когда речь идет о вооруженных силах Афин, не следует сбрасывать со счетов и афинскую эфебию. В ней сочетались и институт возрастных инициаций, и обязательная военная подготовка, и служба юношей 18–20 лет по охране рубежей родного полиса²¹.

¹⁹ Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 130.

²⁰ Берент М. Указ. соч. С. 235.

²¹ Видаль-Накэ П. Черный охотник и происхождение афинской эфебии / Пер. А. И. Иванчика // Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 135–154.

М. Берент утверждает, что в полисах так и не была разработана полицейская система, за исключением небольшого числа общественно используемых рабов, которыми распоряжались магистраты²². Но тут же он вынужден сделать оговорку, потому что в Афинах существовал отряд скифских лучников, по его оценке «вероятно, более декоративный, чем полезный, особенно для поддержания порядка в судах и собраниях».

Судя по вазописи, какие-то скифские лучники появились в Афинах еще при Писистрате. Известно, что не ранее 476 г. до н. э. афинские власти закупили большой отряд скифов-рабов для несения городской полицейской службы²³. Первоначально было куплено 300 скифов-рабов (*Andoc. De pace*. 5). Затем, по свидетельствам схолий к Аристофану (*Schol. in Achar.* 54) и словаря Суды (s. v. τοξόται), их число будто бы возросло до 1000. Вместе с тем не следует забывать, что с конца V в. до н. э. в контингент «скифских стрелков» входили свободные афиняне, получавшие за службу приличное ежедневное денежное жалование. На это прямо указывает проделанный Ф. Лиссарагом анализ имен погибших лучников по спискам²⁴. Присутствие скифов-полицейских на афинских улицах было настолько обычным делом, что в 425 г. до н. э. Аристофан ввел образ одного из них в комедию «Ахарняне». Скиф-полицейский внешне разительно отличался от афинских граждан. Он был одет в непривычную для эллинов одежду, состоящую из куртки и штанов, у него была нагайка – оружие и символ его власти, он говорил на ломаном полуварварском языке. Вопреки утверждению М. Берента, источники свидетельствуют, что скифский полицейский отряд в Афинах не был таким уж декоративным и социально бесполезным. Он насчитывал несколько сот человек, то есть один скиф-полицейский приходился примерно на сотню граждан. Кроме «скифских лучников» в полицейские отряды из числа афинян избирались астиномы, агораномы и прочие городские магистраты, которые присматривали за порядком в общественных местах, в том числе и на городских рынках (*Arist. Ath. pol.* 50–51). Они имели право налагать на нарушителей денежные штрафы в размере до 50 серебряных драхм. Что касается Спарты, то хорошо известно, что там для постоянного подавления свободолюбивых илотов, кроме всегда готовых к бою «равных», была специальная тайная полиция. Она регулярно привлекала к работе «спартанских содмилльцев» – юношей, которые были обязаны участвовать в кровавых «крипциях» – целенаправленных убийствах наиболее сильных и непокорных илотов.

М. Берент прав, когда пишет, что в классических полисах тюремное заключение не являлось особой мерой наказания²⁵. Для этого греки, как впрочем, и римляне, не сажали преступников в тюрьму «на

²² Берент М. Указ. соч. С. 239.

²³ Фролов Э. Д. Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1. С. 134–142; Иванчик А. И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55.

²⁴ Lissarague F. *L'autre guerrier*. P., 1990. P. 126.

²⁵ Берент М. Указ. соч. С. 239.

срок». В отличие от нас, им, скорее всего, это было «не по карману». Да и уровень уголовной преступности в полисах, благодаря высокоразвитому правосознанию, видимо, не требовал содержания в заключении массы сограждан, преступивших закон. Тем не менее, судя по свидетельству Аристотеля (*Pol. VI.5.5 1322a*), в каждом полисе была своя тюрьма. И в Афинах, и в Риме тюрьма была лишь временным местом заключения арестованных, где их держали только до суда или исполнения смертного приговора. В афинской государственной тюрьме осужденный находился под надзором «Одиннадцати» (ἑνδεκά) – выборных магистратов, следивших за содержанием под стражей и казнями (*Arist. Ath. pol. 52.1*). В такой тюрьме сидел великий Сократ, который сам привел в исполнение вынесенный ему судом смертный приговор, приняв чашу с цикутой. В иных случаях смертный приговор исполнял государственный раб-палач (δῆμος).

В классическом полисе постоянный аппарат принуждения по сравнению с современным действительно был мал. Но хорошо известно, что его размеры зависят не столько от зрелости государства (иначе самыми совершенными государствами придется признать деспотии, империи и различного рода диктатуры), сколько от реальной потребности держать общество в жесткой узде. В греческом полисе и римской республике слабость и немногочисленность государственного аппарата компенсировалась другими социальными регуляторами, среди которых исключительно важную роль играли «отеческие установления» и «заветы предков» вроде римского *mos maiorum*, полисные идеалы и полисная мораль, влиятельное общественное мнение и т. п. И в этом смысле античная государственность, кажется, забежала далеко вперед, намного опередив свою эпоху.

М. Берент специально рассматривает вопрос о налогах как о внешнем универсальном признаке государства. Он приходит к справедливому заключению об отсутствии в полисах регулярного прямого налогообложения граждан. Но почему только последнее может считаться атрибутом государства? В Афинах еще в архаическую эпоху собирался налог по податным округам-навкратиям на строительство государственных судов. Как известно, в середине VI в. до н. э. при Писистрате в Аттике был установлен налог в размере 1/10 (*Arist. Ath. pol. 16.4*), видимо, сниженный при Писистратидах до 1/20 части доходов с земли (*Thuc. VI.54.5*). В V в. до н. э. афиняне налогов не платили, государству вполне хватало *фороса* – сначала добровольной, а затем принудительной ежегодной денежной подати союзников – примерно полутора сотен полисов, входивших в архэ. Размер *фороса* вырос с 460 до 900 талантов в год кануна Пелопоннесской войны и достиг 1200–1300 талантов к 425 г. до н. э. (*Plut. Arist. 24.3*). Этих средств афинянам с лихвой хватало не только на содержание силового аппарата в лице постоянной сухопутной армии и флота, сооружения Длинных стен, но и для украшения Акрополя и города. В позднеклассических Афинах налогового обложения всех граждан также не было. Но была выработана весьма оригинальная система изъятия и перераспределения денежных средств у самых богатых граждан в виде чрезвычайных (военных) и

праздничных *литургий*. Таким образом, бремя налогов было возложено на наиболее состоятельных граждан числом примерно в 1200 человек. В республиканском Риме постоянные налоги, за исключением военного трибута с гражданского населения, практически не взимались. Да и последний окончательно был отменен после победы в III Македонской войне в 168 г. до н. э. К этому времени Римское государство имело другие, грубые, но весьма эффективные источники пополнения государственной казны за счет прямого ограбления и налогообложения сначала италиков, затем многомиллионного податного населения провинций.

При анализе финансов греческого полиса М. Берент упустил такую важную сторону деятельности любого государства, как наличие полисных денежных систем. Хорошо известно, что и большие, и малые греческие полисы чеканили собственную монету. А монета была не только средством денежного обращения, но и действенным материалом для пропаганды полисного суверенитета. Выпуск собственной монеты имеет принципиальное значение для определения статуса полисов как суверенных государств²⁶.

Стремясь доказать безгосударственный характер классического полиса, М. Берент отрицает существование в нем такого важнейшего государственного института как правительство, фактически признавая таковым лишь центральный бюрократический аппарат. А его в Афинах и других полисах в привычных нам формах действительно не было. Наемными государственными работниками были, пожалуй, лишь писцы, да и те происходили главным образом из государственных рабов. Однако хоть и выборный и поэтому меняющийся, но постоянно действующий в течение года аппарат государственных служащих в Афинах был. Ежегодно в его состав входило не менее 700 магистратов, 500 членов Совета (*βουλή*), 6000 присяжных судей *гелизи*. Конечно, не все избранные булеты и тем более не все присяжные судьи каждый день находились в присутственных местах – свои государственные обязанности они исполняли по установленной очередности согласно главному принципу полисного строя – «править и быть управляемыми» (*Arist. Pol. VII.3.4 1333 a*). Но важно то, что со второй половины V в. до н. э. все нуждающиеся выборные магистраты стали получать специальную денежную плату за исполнение своих обязанностей, так называемую *диету*, в виде вознаграждения за работу в суде (*δικαστικόν*), Совете (*βουλευτικόν*), народном собрании (*ἐκκλησιαστικόν*). В начале она была невелика и равнялась 2–3 медным оболам, на которые гражданину действительно можно было лишь прокормиться в день заседания. Затем, в начале IV в. до н. э., размер платы за участие в народном собрании вырос до 1–1,5 серебряных драхм (*Arist. Ath. pol. 62.2*). Выплата диеты сильно активизировала малоимущих афинских граждан. Были и другие формы их социальной поддержки, включая государственную заботу о стариках, инвалидах, детях-сиротах²⁷. При Перикле афиняне

²⁶ Hansen M. H. The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de civitate // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 13–14.

²⁷ Dreizenter A. Sozialpolitik im antiken Athen (vom 7. bis 4. Jahrhundert v. u. Z.). Neustadt im Schwarzwald, 1992. S. 86–133.

вплотную приблизились к реализации принципа равенства граждан в занятии должностей (исотимия). По подсчетам ученых, в эпоху расцвета афинской демократии около трети граждан одновременно занимали ту или иную государственную должность.

В античном полисе VI–V вв. до н. э. мы наблюдаем сложный и противоречивый процесс постепенного отделения публичной власти от массы граждан. Представление элинов об ἀρχή как власти-порядке, в отличие от ἀναρχή, наступившей в Аттике на пятый год после реформ Солона из-за того, что не был избран архонт, отчетливо проступает у Аристотеля (*Ath. pol.* 13.1). Государственная власть вполне институализировалась в Афинах в таких государственных органах как Совет 500 и множестве выборных годичных магистратур (ἀρχαί). Не позже V в. до н. э. элины хорошо осознавали разницу между статусом ἀρχαί (букв. «властвующих») и ἀρχόμενοι («подвластных»). Это было заметно даже внешне – в течение всего срока полномочий полисный магистрат носил на голове почетный миртовый венок. В IV в. до н. э. Аристотель дает вполне четкое определение полисных «должностных лиц», их прав и полномочий (*Pol.*: IV.12. 3–9 1299b–1300a). Но, к счастью для афинян и граждан других демократических полисов, власть архонтов (в широком смысле этого слова) не отделилась от народа настолько, насколько это случилось в любом современном бюрократическом государстве. Если исходить лишь из формального критерия государственности – наличия многочисленного и разветвленного аппарата госслужащих, – то одним из самых «продвинутых» государств придется считать «восточные деспотии» или современную Россию, где интересы гипертрофированного чиновничьего аппарата и народа расходятся очень далеко. Как и во всех сложных социальных образованиях, публичная власть в греческих полисах отделялась от гражданства, но граждане имели большие возможности держать эту власть под своим каждодневным контролем. Сама кратковременность пребывания магистрата на полисной должности и соблюдение принципа очередности в какой-то мере предотвращали полное отделение этих «слуг государства» от общества. Поэтому публичная власть в полисе не была такой тяжелой и тем более столь материально обременительной для граждан как, например, содержание современного государственного аппарата.

Более того, именно в классическую эпоху в полисе зарождается фундаментальный принцип построения современного государства, основанный на разделении властей. «Во всяком государстве, – писал Аристотель, – этих составных частей три.... Вот эти три части: первая – законовещательный орган, рассматривающий дела государства, вторая – должности, третья – судебные органы» (*Pol.* IV.1.1 1297b). Такое разделение государственных властей в Афинах наметилось уже в VI в. до н. э. в результате реформ Солона и Клисфена. Как далеко оно зашло к концу классической эпохи, в деталях показывает вторая часть «Афинской политики» Аристотеля. Такой дифференциации ветвей власти не было в территориальных государствах Древнего Востока.

Мало соответствует фактам и еще одно утверждение М. Берента о природе власти афинских лидеров. По его мнению, афинский лидер-демагог был просто харизматической личностью и не занимал никаких

формальных государственных постов. Но это не так. Тот же Перикл был не просто *демагогом* (букв. «вождем народа»), а занимал должности архонта и стратега. На этом посту он был вполне легитимным главой афинского государства с 441 по 429 г. до н. э.

М. Берент полностью обошел молчанием такую важную функцию полиса как правотворчество, результатом которого было законодательство. В VII–VI вв. до н. э. в греческих полисах принимались писанные законы, которые затем неоднократно обновлялись²⁸. Они публично выставлялись на агоре и были доступны любому гражданину. Как известно, писаное законодательство, прежде всего выражавшее политическую волю властвующего сословия, позже класса, считается неизменным атрибутом уже сформировавшегося государства. Во всяком случае, в безгосударственных обществах оно неизвестно. К V в. до н. э. у эллинов уже выработалось представление о законе как первооснове существования полиса (известный фрагмент Гераклита: *μάχεσθαι χρῆ τὸν δῆμον ὑπὲρ τοῦ νόμου ὡκώσπερ τείχεος* – frag. 44. Diels–Kranz; ср.: *νόμος ὁ πάντων βασιλεὺς θνατῶν τε καὶ ἀθανάτων* – Pind. Frag. 169a.1–2. Maehler). В IV в. до н. э. в творчестве Платона, речах Демосфена оно развивается в стройное правовое учение, в котором закон выступает фактически как самая сущность полиса²⁹.

Также неизвестны в безгосударственных обществах и города, являвшиеся не просто поселениями, средоточиями торгово-ремесленной жизни, но и административными центрами большинства греческих полисов. В последние десятилетия становится все более очевидной теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость между экономическим ростом античных городов и усложнением полисного управленческого аппарата³⁰. Весьма развитые античные урбанистические структуры с агорой в центре, где публично выставлялись высеченные в камне важнейшие декреты и прочие официальные постановления, плохо увязываются с гипотезой М. Берента о негосударственном характере античной полисной организации³¹.

Отрицание наличия в полисе государственного аппарата приводит М. Берента к итоговому заключению: «по большому счету полис не был инструментом для присвоения прибавочного продукта»³². Он уверенно пишет об отсутствии механизма принуждения в греческих полисах, естественно, делая оговорку лишь для Спарты с ее жесточайшей эксплуатацией подневольных илотов. Сейчас, после падения марксистской парадигмы государства как орудия и механизма подавления, созданного в первую очередь для обеспечения эксплуатации угнетенных, становится все более очевидной узость и ограниченность старой социальной концепции государства лишь как репрессивной силы. Не только

²⁸ Шишова Н. А. Раннее законодательство и становление рабства в Античной Греции. Л., 1991.

²⁹ Бергер А. К. Указ. соч. С. 337.

³⁰ Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

³¹ Мысль об отсутствии организующего «государственного начала» в архитектурно-планировочном оформлении классических полисов звучала в докладе М. Берента на конференции «Hierarchy and Power in the History of Civilization».

³² Берент М. Указ. соч. С. 236.

античный полис, но и классическое буржуазное государство как такое не являлись прямым инструментом присвоения прибавочного продукта. Это более характерно для «восточных деспотий», где для этих целей существовало специальное ведомство, а иногда даже целый государственный («царский») сектор экономики, занимавшийся эксплуатацией подневольных работников рабского типа. С самого момента возникновения любое государство являлось организацией, создающей условия, в той или иной мере необходимые для регулярного присвоения и перераспределения прибавочного продукта. Видимо, в этом состоит одна из универсальных функций государства. С этой задачей прекрасно справлялся античный полис как коллектив свободных полноправных граждан, причем действительно в большинстве случаев без постоянного специального репрессивного аппарата.

Эту специфику полиса хорошо понимали древние. По Ксенофону, все хозяева рабов в общине действуют вместе, как «добровольная стража» (*Hiero.* 4. 3). Не могу здесь не привести известное рассуждение Сократа в «Государстве» Платона, предельно откровенно раскрывающего социальную природу классического полиса. Сократ предлагает представить собеседнику Главкону, что «если некий бог взял бы одного человека, который обладал пятьюдесятью или более рабами и перенес бы его с женой и детьми, его товарами и движимым имуществом и его рабами в пустынное место, где не было бы никакого другого свободно-рожденного человека, чтобы помочь ему; не будет ли он в большом страхе, что он сам, его жена и дети будут убиты рабами?» В реальной же жизни на помощь частному лицу, по словам Главкона, приходит *весь полис* (578e). Наконец, не следует забывать и того, что Аристотель в самом начале своего знаменитого трактата попытался теоретически обосновать необходимость рабства как социального института, без которого была невозможна «благая жизнь» его соотечественников (*Pol.* I.1.5–10 1252b). По мнению А. И. Доватура, уже одного факта включения Стагиритом в число первичных человеческих объединений, наряду с супружеской парой, соединения господина и раба, было бы достаточно, чтобы говорить об огромном числе рабов в Греции и роли рабовладения в жизни греческого общества³³.

Мне кажется, ярче репрессивную рабовладельческую природу классического полиса как сплоченного коллектива свободных граждан – реальных и потенциальных рабовладельцев – описать просто невозможно, тем более, что это свидетельства современников. Граждане V–IV вв. до н. э. вынуждены жить полисом, потому что не могут поодиночке управлять своими, даже рассеянными по усадьбам и эргастериям рабами. И в данном случае не так важно, много или мало было рабов в классическом полисе. Даже если они составляли, как считает М. Берент, всего 30–40 % населения, рабовладельческий уклад должен был играть определяющую роль и в экономике, и в жизни если не всех, то большинства граждан. Именно благодаря институту классического рабства античная цивилизация достигла того, чего достигла, намного превзойдя те весьма скромные естественные ресурсы и возможности,

³³ Доватур А. И. Указ. соч. С. 23.

которыми обладал древний мир Средиземноморья. Античный рабовладельческий способ производства (или уклад) – это не выдумка марксистов, как сейчас пишут некоторые не очень сведущие в античной истории ученые, а исторический факт, находящийся все новые и новые подтверждения в разнообразных источниках. До К. Маркса в этом был убежден А. Сен-Симон, о том же писали такие далекие от марксизма мыслители, как А. Валлон и Ф. Ницше. Пожалуй, ярче всего рабовладельческую природу «прекрасной Античности» выразил немецкий поэт Готфрид Бенн: «античное общество покоилось на костях рабов, оно крушило эти кости – а наверху расцветал город. Наверху квадриги белых коней и звук имени великого моря – а внизу не умолкал металлический лязг – цепи...» (пер. С. С. Аверинцева)³⁴.

Хорошо известно, что рабы обеспечивали многих свободных – полностью или частично – не только всем необходимым, но и предоставляли им свободное время (*σχολή*), столь необходимое для занятия политикой, наукой, искусством и спортом. Без этого, вероятно, и не было бы той блестящей «цивилизации досуга», каковой и была античность. Кажется, именно благодаря беспощадной эксплуатации рабов-чужеземцев, античное общество по уровню жизни и потребляемых благ забежало несколько вперед, намного опередив те имеющиеся возможности, которыми располагал древний средиземноморский мир. Обладая более мощным экономическим потенциалом, оно через неэквивалентный обмен втягивало в себя лучшие людские и материальные ресурсы окружающей его огромной «варварской периферии». В этом противоречии следует искать одну из главных, если не самую главную причину невиданного взлета, а затем и страшной гибели античной цивилизации.

В заключении своей статьи М. Берент неоднократно проводит одну и ту же мысль: «полис ставит под сомнение многие основные положения современной социальной антропологии, например, положение о том, что государство является непременным условием для цивилизации». Ученый утверждает, что греческое общество было и цивилизованным, и безгосударственным. Более того в конце статьи он ставит перед читателями несколько вопросов. В частности, как можно объяснить существование цивилизованной жизни в безгосударственных условиях Греции? И заключает: «ответы на эти вопросы выходят за пределы статьи»³⁵. Я думаю, что при подобной постановке вопросов, ответов на них просто не будет. Не будет прежде всего потому, что надуманным представляется его исходный тезис о безгосударственности античного полиса.

Как известно, новая исследовательская парадигма имеет право на существование тогда, когда она по своим эвристическим возможностям превосходит старую. Но старая концепция полиса как своеобразного государства давала ответы – логичные и убедительные – почти на все затронутые М. Берентом вопросы. Поэтому здесь уместно

³⁴ Взято из: *Аверинцев С. С. Образ Античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 12.*

³⁵ *Берент М. Указ. соч. С. 255–256.*

вспомнить знаменитое правило «бритвы Оккама»: «не следует умножать число сущностей без надобности». Кажется, к числу таких надуманных сущностей и принадлежит идея М. Берента о «безгосударственном полисе». Но, к сожалению, его основной вывод без критической проверки уже начали активно использовать некоторые наши социальные антропологи как последнее слово науки по проблемам античной государственности и, более того, на его основе делать еще более далеко идущие заключения.

Как точнее определить государственную специфику античного полиса? Мне кажется, ближе всего его сущности отвечает лаконичная дефиниция полиса у В. Г. Рансимэна – это «гражданское государство», точнее одна из его разновидностей³⁶. А вот в понимании социальной природы греческого полиса или римской *цивитас* никто еще не превзошел, может быть, несколько абстрактного, но по сути своей очень глубокого определения К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецкой идеологии»: «граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»³⁷.

Мне кажется, М. Берент в своей статье акцентировал внимание лишь на одной стороне полисной жизни, а их было как минимум две: 1) гражданская (собственно полис как община) и 2) властно-государственная (не в последнюю очередь для физического и морального подавления всех эксплуатируемых слоев населения: рабов, илотов, свободных неграждан типа афинских метеков или спартанских перизков). Если в первой отношении действительно строились преимущественно *по горизонтали* и базировались на принципах солидарности, коллективизма, координации, «филантропии», то во второй – *по вертикали* в форме жесткой социальной иерархии: «граждане» – «свободные неграждане» – рабы». Первая ипостась проявляла себя «внутри» полиса часто как прямая демократия. Вторая всегда была повернута «наружу» как власть привилегированного гражданского меньшинства, пользующегося всеми благами полисной жизни. Кажется, М. Берент сильно упростил проблему, сводя государство лишь к наличию бюрократического аппарата и механизма подавления. Но государство – это еще и аппарат управления конкретным обществом, в том числе и выборный.

Так что, завершая анализ очередной ревизии традиционной концепции античного полиса, хотелось бы еще раз вернуться к названию ключевого параграфа статьи М. Берента – «Социальная антропология и миф о греческом государстве». Думаю, что в свете современной теории государства и имеющихся в распоряжении исследователей исторических данных античная полисная государственность все-таки не была

³⁶ *Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead End // The Greek City from Homer to Alexander. Oxf., 1990. P. 348.* Также называют античный полис и некоторые другие исследователи. См.: *Кампогресси Колоньези Л. Формирование государства в Риме // ВДИ. 1990. № 1. С. 95.*

³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 21.*

мифом. Скорее современным научным мифом следует признать основной тезис статьи М. Берента о «безгосударственном полисе».

П о с л е с л о в и е

Уже после завершения настоящей работы в библиотеке Института Майнеке (Свободный Берлинский университет) в 2004 г. мне удалось ознакомиться с очередным томом «Центра полисных исследований» в Копенгагене, открывающимся статьей М. Г. Хансена на ту же тему³⁸. Она целиком посвящена критике концепции «безгосударственного полиса» М. Берента. М. Г. Хансен – признанный специалист по истории и теории античного греческого полиса – рассмотрел вопрос о соответствии этого социально-политического института новоевропейским и современным научным представлениям о государстве, его сущности и признаках. Его итоговое заключение покоится на иных теоретических основаниях, но очень близко нашему: «Если при исследовании полиса применить именно этнологическое разделение на ранние государства и безгосударственные общества, классический греческий полис будет относиться к ранним государствам»³⁹. Опираясь на конкретные нарративные и эпиграфические источники, М. Г. Хансен сумел назвать 36 видов полномочий (!), входивших в компетенцию античного полиса⁴⁰. С точки зрения современной теории, не все их можно признать государственными. Но важно то, что в совокупности они совпадают с полным спектром функций государства как такового, хотя, разумеется, есть и существенные различия. Датский исследователь обратил внимание на такой важный признак государства, как территория, несомненно, присущий и полису⁴¹. Он привел ряд интересных свидетельств о восприятии гражданами хоры своего полиса как территории, на которую распространяется его *ἀρχή*, а также о полисных границах, которые часто отмечались специальными пограничными камнями (*ὄροι*). Им собраны очень важные свидетельства о наличии в классических полисах постоянных военных контингентов⁴², что заставляет усомниться в широко распространенном представлении, что в мирное время в полисе не было каких-либо вооруженных сил.

ALEXANDER P. MEDVEDEV (VORONEZH) WAR DIE GRIECHISCHE POLIS EIN STAAT?

In dem Aufsatz wird die strittige Frage nach dem historischen Status der altgriechischen Staatlichkeit in Zusammenhang mit den Arbeiten des israelischen Antikenforschers M. Berent untersucht, der den

³⁸ Hansen M. H. Was the Polis a State or as Statlesse Society? // Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre 6 // Historia: Einzelschriften. H. 162. Stuttgart, 2002. S. 17–47.

³⁹ Ibid. P. 42.

⁴⁰ Ibid. P. 24–25.

⁴¹ Ibid. P. 26.

⁴² Ibid. P. 38.

nichtstaatlichen Charakter der klassischen antiken Polis zu begründen versuchte. Der Autor analysiert die wesentlichen Argumente von M. Berent zugunsten seiner Konzeption von der Polis als „nichtstaatlicher Gesellschaft“ und zeigt, dass die meisten von ihnen unbegründet sind. Die spezifische sklavenhalterische Form der klassischen Polis bestätigen die Zeugnisse von Xenophon (*Hiero.* 4, 3) und Platon (*Resp.* 578e). M. Berent richtet seine Aufmerksamkeit nur auf eine Seite des Lebens in der Polis, es gab aber mindestens zwei: 1. die zivile (die eigentliche Polis als Gemeinde), und 2. die staatlich-herrschaftliche, nicht zuletzt für die physische und moralische Unterjochung der Sklaven, Heloten, solcher freien Nicht-Bürger wie die athenischen Meteken oder der spartanischen Periöken. Hinsichtlich der ersten Seiten wurden die Beziehungen tatsächlich vorwiegend horizontal gebaut und fußten auf den Prinzipien der Solidarität, des Kollektivismus und der Koordination. In Bezug auf die zweite Seite dominierte die Vertikale in Form der sozialen Hierarchie: „Bürger“ – „freie Nichtbürger“ – „Sklaven“. Die erste Erscheinungsform zeigte sich „innerhalb“ der Polis häufig als Demokratie, die zweite offenbarte sich „nach außen“ als Herrschaft einer privilegierten Minderheit, die alle Vorteile des Polis-Lebens zu nutzen verstand.